УДК 811.111:81’271

© 2024 Д. Ю. Шидловская

РОЛЬ СЕМАНТИКИ ВОСХОДЯЩЕГО ДВИЖЕНИЯ В НАИВНОМ ОСМЫСЛЕНИИ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ)

Статья посвящена исследованию семантики фразеологических единиц, в основе которых лежат образы восходящего движения. В работе выявляются сферы жизни человека, в репрезентации которых участвуют рассматриваемые единицы, определяются механизмы порождения их значения, описывается роль концепта восходящего движения в образном осмыслении мира представителями англоязычной лингвокультуры.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, внутренняя форма, семантика, движение, метафора, метонимия, миф, модель.*

© 2024 D. Yu. Shidlovskay

SEMANTICS OF UPWARD MOTION IN NAIVE PERCEPTION OF THE WORLD (BASED ON ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH VERBS OF MOTION)

The article presents the study of the phraseological units semantics with underlying images of upward motion. The author identifies the spheres of human life, which are characterised by these phrases, determines the mechanisms of their meaning construction, and describes the role of upward motion in the naïve conceptualization of the world within the frameworks of English-speaking culture.

Key words: *phraseological unit, inner form, semantics, motion, metaphor, metonymy, myth, model.*

Окружающая действительность в том виде, в котором она предстает в сознании человека, соткана из противоположностей [Гинзбург, 2004: 135]. Одной из центральных оппозиций в системе архаичных представлений является оппозиция *верха* и *низа*. В мифических картинах мир предстает преимущественно по вертикали и разделен на три части: верхний, земной и нижний миры [Токарев, 1980: 193]. Начиная с древних времен, движение по вертикали наделяется ценностно-нравственным смыслом, обретая конкретную семантическую характеристику. Идея вертикальности ассоциируется преимущественно с восходящим движением, которое ведет к нравственности, духовности и воспринимается как идеальное, правильное, нерушимое [Иоффе, 2010: 412]. В этом состоит его принципиальное отличие от нисходящего движения, которое в архаичных представлениях отождествлялось с бренностью, гибелью, быстротечностью бытия. Несмотря на разложение архаичной пространственной системы и формирование картины мира под влиянием научных открытий, представления, свойственные наивному мировоззрению, продолжают сохраняться в языковых формах.

В настоящей статье рассматривается роль концепта восходящего движения в формировании знаний человека об окружающей действительности. Исследование проводится в рамках англоязычной лингвокультуры на материале фразеологических единиц (далее ФЕ) английского языка с компонентами-глаголами движения. Актуальность проводимого исследования определяется следующими аспектами:

– недостаточной изученностью роли концепта движения в описании различных фрагментов действительности;

– необходимостью выявления связей и отношений между различными концептами для реконструкции целостной картины мира;

– дальнейшим совершенствованием и углублением исследований семантического потенциала глагольной фразеологии.

Цель исследования заключается в комплексном изучении семантики ФЕ с глаголами движения и выявлении роли концепта восходящего движения в репрезентации знаний об окружающей действительности. Основным критерием для отбора фразеологического материала послужило наличие у рассматриваемых единиц глагольного компонента с архисемой «движение» и дифференциальной семой «направление вверх». В ходе компонентного и дефиниционного анализа было выявлено, что восходящее движение может быть вербализовано как сочетанием различных глаголов движения с лексемой *up*, так и рядом глаголов движения в их прямом значении «двигаться вверх»: *rise, raise, lift, climb, ascend*. В материал исследования также вошли ФЕ с глаголами движения *fly* и *jump*, ассоциативно связанными с идеей перемещения в верхней части пространства.

Поскольку настоящая работа опирается на результаты семантического анализа, представляется необходимым уточнить терминологический аппарат исследования и дать определения следующим понятиям: *фразеологическое значение, внутренняя форма ФЕ* и *коннотативный аспект значения ФЕ*.

Фразеологическое значение определяется нами как составная часть плана содержания ФЕ, образованная в результате переосмысления переменного сочетания слов и косвенно отражающая определенные знания об объектах или явлениях окружающей действительности. Под внутренней формой мы, вслед за А. В. Куниным, понимаем значение его прототипа, с которым значение ФЕ связано деривационными отношениями [Кунин, 1996: 27]. А. В. Кунин определяет прототип как мотивирующую базу, с которой ФЕ связана деривационными отношениями в синхронии или диахронии. Причем под прототипом понимаются не только переменные сочетания слов, но и различные

ассоциации: культурные, исторические и так далее [Там же]. По нашему мнению, это определение избыточно по ряду причин. Во-первых, оно неоправданно сближает форму и содержание языковой единицы. Несмотря на безусловную связь между данными категориями, они все же представляют собой разные стороны знака. Во-вторых, прототип отождествляется с ассоциативными знаниями, которые являются частью значения прототипа (частью его внутренней формы – см. выше), представляя его импликационал. Таким образом, предлагаемое А. В. Куниным определение прототипа ФЕ сближает его с семантической категорией. Это вызывает вопросы о статусе прототипа как составного компонента плана содержания ФЕ и о его соотношении с внутренней формой ФЕ, что чревато смешением данных понятий. Поэтому в рамках нашей работы мы трактуем прототип как переменные сочетания слов, на базе которых образуется ФЕ. На наш взгляд, такая трактовка соответствует двусторонней структуре знака и четко разграничивает план выражения и план содержания ФЕ.

Коннотативный аспект трактуется нами широко и рассматривается как семантический компонент, выражающий эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение говорящего к предметам или явлениям действительности [Телия, 1986: 5]. Мы считаем, что коннотативный аспект может выделяться как на уровне значения ФЕ, так и на уровне ее внутренней формы, где он входит в состав значения компонентов ФЕ либо связан с семантикой ситуации, вербализованной прототипом ФЕ.

Значение ФЕ образуется посредством переосмысления генетического прототипа ФЕ на основе метафоризации, метонимизации или синекдохи, сравнения. Переосмысление также может быть смешанным, метафоро-метонимическим [Кунин, 1996]. В зарубежной литературе интеракция между метафорой и метонимией обозначается термином «метафтонимия», введенным Л. Гуссенсом [Goossens, 1990]. Иной взгляд на проблему метафоро-метонимического взаимодействия предлагает Н. Ример, который формулирует понятия «пост-метафора» и «пост-метонимия». Данные модели образуются в результате конвенционализации и генерализации первичных метафор и метонимий, а не их смешения [Dirven, 2003: 381]. Мы согласны с мнением Н. Римера, однако в данной работе будем придерживаться понятия «метафоро-метонимическое переосмысление», используемого в отечественной фразеологии [Кунин, 1996: 77, 128].

Кроме этого, в формировании значения ФЕ также могут участвовать архаичные модели представления о мире, которые современным сознанием трактуются как метафорические конструкции [Лотман, 1992]. По нашему мнению, к ним относятся так называемые *структурные*, *онтологические* и *ориентационные* метафоры [Lakoff,

Johnson, 1980], используемые для концептуализации абстрактных понятий, эмоций, состояний, ощущений и других явлений, недоступных для непосредственного восприятия. Мы полагаем, что данные переносы целесообразно рассматривать не как *метафорические*, а как *мифические модели* представления знаний, поскольку они не основаны на сходстве между двумя сущностями, а представляют собой, скорее, трансформации одного и того же предмета или явления. Мифические модели по своей сути синкретичны и не дискретны, что противоречит сущности метафоры как механизма, основанного на сопоставлении двух различных друг от друга областей.

Определив тематические и теоретические рамки исследования, перейдем к результатам, полученным в ходе семантического анализа рассматриваемых единиц.

Фразеологические единицы, прототипы которых вербализуют образы восходящего движения, описывают следующие сферы: *деятельность* и *межличностные отношения*, *поведенческую*, *эмоционально-волевую*, *физиологическую сферы*. Остальные ФЕ характеризуют различные *жизненные ситуации*. Ниже представлено идеографическое описание каждой из выделенных сфер.

ФЕ *move / step up a gear, pull one's socks up, raise one's game, raise the bar* обозначают улучшение продуктивности работы по сравнению с предыдущим уровнем активности или другими участниками деятельности. ФЕ *raise the bar* также характеризует ситуацию, когда чей-то успех мотивирует других людей добиваться тех же высот. Повышение социального статуса номинирует ФЕ *climb the social ladder*.

ФЕ *go above and beyond the call of duty* характеризует ситуацию, когда человек делает больше, чем требуется или необходимо. Ситуация, когда кого-либо переводят на должность, которая кажется престижной, но на деле такой не является, описывается ФЕ *kick someone upstairs*. Преодоление трудностей вербализовано ФЕ *have a mountain to climb*, достижение трудной цели – ФЕ *reach for the moon / stars*. Конкретные виды трудовой деятельности представлены ФЕ *to be raised to the purple, to be raised to the bench*, обозначающими возведение в сан и назначение судьей соответственно. Наконец, ФЕ *ascend the throne* описывает принятие власти монархом.

Анализ семантики рассматриваемых единиц показывает, что идея восходящего движения служит для обозначения деятельности человека, а именно улучшения этого процесса. На наш взгляд, данный перенос основывается на метафоре, генетически восходящей к синекдохической модели части и целого. С одной стороны, перенос осуществляется на основе сходства между образом движения, содержащимся во внутренней

форме ФЕ, и действием, описываемым на уровне значения. К общим признакам можно отнести категориальный признак «процессуальность». Вместе с тем, движение является неотъемлемой частью деятельности человека по преобразованию окружающей действительности, что говорит о наличии между ними кореферентных отношений.

Во ФЕ *kick someone upstairs* метафора несамостоятельного восходящего движения описывает потенциально неблагоприятную ситуацию для человека, связанную с мнимым повышением. Вероятно, метафора несамостоятельного движения, вызванного внешними силами, может привносить в актуальное значение ФЕ негативные коннотации.

Кроме переносов «движение–деятельность», «восходящее движение–улучшение», в семантике рассматриваемых единиц обнаруживаются и другие метафорические, метонимические и мифические модели. Например, во ФЕ *climb the social ladder* лестница является метафорой социальной иерархии по принципу внешнего сходства. Метафора движения через горы (*have a mountain to climb*) или движения к луне / звездам (*reach for the moon / stars*), вероятно, мотивирована тем, что оба действия требуют огромных усилий для их реализации. Во ФЕ *go above and beyond the call of duty* фиксируется мифическая модель представления долга как пространственного объекта или локуса, над которым может передвигаться субъект. По нашему мнению, не имеет принципиального значения, рассматривается ли долг как вещь или как локус, поскольку пространство и населяющие его объекты не существуют сами по себе и представляют часть единого целого [Никитин, 2007: 667].

Метонимические модели фиксируются во ФЕ *to be raised to the purple, to be raised to the bench*. Например, во ФЕ *to be raised to the purple* сан связывается с цветом традиционного облачения духовного лица, тогда как во ФЕ *to be raised to the bench* компонент скамья создает референцию к залу суда, скамье подсудимых.

Принцип смежности также заложен в основе ФЕ *ascend the throne*, внутренняя форма которой актуализирует образ восхождения на престол, атрибут торжественных королевских церемоний. Описываемая ситуация связана со сценарием коронации как «часть–целое» посредством синекдохи.

Межличностные отношения представлены небольшим количеством ФЕ. Приветствие или почтение объективируются ФЕ *raise one's hat*. Физическое насилие над кем-либо и оказание давления на человека вербализуются ФЕ *lift a hand against someone* и *turn up the heat on someone* соответственно. Перемирие номинировано ФЕ *raise the white flag*. Анализ показывает, что внутренняя форма рассматриваемых ФЕ, за исключением выражения *turn up the heat on someone*, описывает стереотипные (телесные) действия

человека, ассоциируемые с денотатами ФЕ посредством импликационных связей. По этой причине можем утверждать, что между исходным и результирующим образами устанавливаются метонимические отношения части и целого. Однако отметим, что такая интерпретация оправдана только в случае устойчивой конвенциональности и узнаваемости положенных в основу ФЕ ситуаций.

Внутренняя форма ФЕ *turn up the heat on someone* затемнена, однако, согласно словарю The American Heritage dictionary of idioms, данная языковая единица может быть связана с пытками. Следовательно, сфера физического действия моделирует представления о межличностных отношениях. Однако вопрос о том, является ли данный перенос метафорой или он имеет более архаичные, мифические корни, остается открытым.

Рассматриваемые ФЕ описывают девиантное и массовое поведение. ФЕ *lift one's elbow* обозначает потребление алкоголя. Высокомерное поведение описывается ФЕ *climb / get on one's high horse*. Неприемлемое поведение в обществе, а также шумные недовольные протесты по поводу чего-либо вербализованы ФЕ *raise hell* и *raise a hue and cry*. Схожей семантикой обладает ФЕ *kick up a stink / fuss / row* со значением «громко жаловаться».

По нашему мнению, внутренняя форма ФЕ *lift one's elbow* связана с ее значением при помощи синекдохи по принципу «части и целого», где внутренняя форма отражает фрагмент сценария потребления алкоголя.

ФЕ *climb / get on one's high horse* можно отнести к метафорическим единицам, так как сходство между исходным и результирующим образами проходит по линии общего импликационального признака «смотреть свысока»: человек, сидящий на лошади, смотрит на других сверху вниз.

Во ФЕ *raise hell* и *raise a hue and cry, kick up a stink / fuss / row* на уровне внутренней формы фиксируется мифическая модель представления крика и суеты как материальных объектов, которые можно перемещать в пространстве. Во ФЕ *raise hell* ад также предстает как мобильная часть пространства. Как нам кажется, ассоциации, связанные с адом, определяют коннотативный аспект актуального значения рассматриваемой ФЕ, привнося отрицательную оценочность.

Рассматриваемые в исследовании ФЕ описывают как положительные, так и отрицательные эмоции. Радость вербализуется следующими ФЕ: *be floating / be walking on air*, *jump for joy, lift someone's spirits*, *raise a smile*, *raise someone's hopes*. Раздражение, злость представлены ФЕ *raise someone's hackles*, *hit the ceiling*, *throw up one's hands*; страх или шок обозначает ФЕ *fling up one's hands*, удивление эксплицируется ФЕ *raise eyebrows*.

В концептуализации радости, по нашему мнению, участвует мифическая модель восходящего движения, так как за «верхом» традиционно закрепляются положительные эмоциональные состояния [Воркачев, 2001; Kovecses, 2000]. Можно предположить, что данный «перенос» мотивирован телесным опытом, когда в состоянии счастья и радости человек испытывает чувство окрыленности и как будто желает взлететь. Более того, на уровне внутренней формы ФЕ также выделяются мифические модели, представляющие надежды (*raise someone's hopes*), настроение (*lift someone's spirits*), улыбку (*raise a smile*) как материальные объекты, которые можно перемещать в пространстве.

Как показывает анализ ФЕ, репрезентирующих раздражение и злость, их семантика на уровне внутренней формы также связана с идеей верха, однако их мотивирующая база не совпадает с ФЕ, денотатами которых являются положительные эмоции. Так, в основе ФЕ *raise someone's hackles* лежит зооморфная мифическая модель, восходящая к архаичным мировоззренческим концепциям зооморфизма и тотемизма. Вместе с тем мы считаем, что на современном синхронном срезе зооморфные модели можно трактовать как метафору, поскольку между поведением животных и людей обнаруживается много общего, что позволяет выделить признаки сходства (= метафору).

Во ФЕ *hit the ceiling*, вероятно, заложена идея жара, теплоты, мотивирующая значение данной ФЕ. Поскольку мы не видим сходства между данными концептами и злостью, мы склонны предположить, что семантика этой языковой единицы строится на основе мифических представлений, эмпирическим основанием которых являются телесные ощущения.

Внутренняя форма ФЕ *throw up one's hands, fling up one's hands, raise eyebrows* отражает стереотипные телесно-экспрессивные движения, ассоциативно связанные с соответствующими эмоциональными проявлениями. Учитывая, что эмоции заведомо недоступны непосредственному восприятию, наивное сознание стремится объяснить их при помощи знакомых, более конкретных концептов и образов. Мы считаем, что значение рассматриваемых ФЕ формируется при помощи синекдохи, поскольку для метафоры необходимо сходство между сопоставляемыми сущностями, в то время как синекдоха позволяет объяснить эмоции через их «симптоматические» признаки.

Физиологическая сфера представлена следующими ФЕ: *make someone's gorge rise, rise from the ashes, raise someone from the dead, rise from the dead / grave.* ФЕ *make someone's gorge rise* относится к шекспиризмам и реализует значение «испытывать чувство тошноты». Внутренняя форма этой ФЕ, вероятно, мотивирована телесным опытом человека и может быть связана с актуальным значением как метафорически, так и

метонимически, в зависимости от интерпретации образа. С одной стороны, чувство «подъема» горла может быть связано с тошнотой на основе сходства ощущений. С другой стороны, при тошноте и рвоте горло человека совершает непроизвольные движения (сокращения), что, возможно, и описывается на уровне внутренней формы этой ФЕ. Если данная трактовка верна, то значение ФЕ *make someone's gorge rise* образуется в результате метонимического переосмысления «телесное движение–ощущение».

Остальные ФЕ *rise from the ashes, raise someone from the dead, rise from the dead/grave* описывают преодоление смерти. Внутренняя форма рассматриваемых единиц связана с мифами о фениксе, а также библейскими сюжетами о бессмертии души и воскресении Христа. Очевидно, что здесь образ восходящего движения связан с пространственной ориентацией, где вертикаль ассоциируется с жизнью, горизонталь – со смертью (человека хоронят в горизонтальном положении). Изменение положения из горизонтального на вертикальное указывает на изменение в физиологическом состоянии человека – преодоление смерти. Мы считаем, что в данных ФЕ реализуется мифическая модель представления знаний.

Ряд ФЕ описывает различные ситуации. Эти единицы рассматриваются отдельно ввиду трудностей с их категоризацией. Так, ФЕ *raise the tone* обозначает «сделать что-либо (место, мероприятие) более приемлемым, привлекательным». Внезапное возникновение неприятного положения передается ФЕ *raise / rear its (ugly) head*. Окончание или крах чего-либо описываются ФЕ *go up in flames / smoke*. Восхождение к славе, улучшение материального положения человека и достижение успеха номинированы ФЕ *rise to fame, come / go up in the world, be flying high* соответственно.

Во ФЕ *raise the tone* можно выделить метафоро-метонимическую модель «восходящее движение–улучшение». Кроме этого, на уровне внутренней формы также реализуется мифическая модель представления тона как материального объекта.

В формировании семантики ФЕ *raise / rear its (ugly) head* участвует антропоморфная мифическая модель, при помощи которой какое-либо явление или ситуация наделяются чертами, свойственными человеку, в данном случае – наличием головы.

В основе ФЕ *go up in flames / smoke* имплицитно заложена идея сгорания, служащая для описания нежелательного исхода в чем-либо, краха. Концепт огня, вербализованный субстантивным компонентом *flames / smoke*, ассоциируется с адом, болью и смертью и воспринимается как опасная стихия, источник разрушения [Кирло, 2010: 298]. Данные ассоциации, вероятно, определяют семантику рассматриваемой единицы. Мы склонны

предполагать, что концепт физического разрушения огнем связан с концептом неудачи и / или провала при помощи метафоры, так как между исходной и результирующей ситуациями можно обнаружить общие импликациональные признаки: «утрата чего-либо», «уничтожение чего-либо». Помимо этого, сходство наблюдается и в их коннотативном аспекте: обе ситуации имеют отрицательную оценочность. В то же время мы не исключаем, что данная метафора генетически восходит к мифической модели, так как именно архаичному мышлению свойственны переносы из области конкретного в область абстрактного.

В остальных ФЕ *rise to fame, come/go up in the world, be flying high* восходящее движение концептуализирует процесс улучшения, успех в чем-либо. Кроме этого, во ФЕ *rise to fame* на уровне внутренней формы выделяется мифическая модель, посредством которой слава представляется как локус, к которому движется субъект.

В настоящей статье рассмотрены ФЕ, в основе которых лежат образы восходящего движения. Анализ показал, что данные языковые единицы описывают различные процессы жизнедеятельности человека, связанные как с внешним миром, так и внутренним. В ходе семантического анализа было выявлено, что актуальное значение большинства ФЕ строится посредством метафоры, опосредованной метонимическими связями между объектами или ситуациями действительности. В их семантике также обнаруживаются мифические модели представления абстрактных понятий как пространственных категорий – локуса и вещи; фиксируются зооморфная и антропоморфная модели. Метонимия в ее «чистом» виде чуть менее продуктивна и детерминирует актуальное значение ФЕ следующими способами: когда компонент ФЕ создает референцию к значению ФЕ (*to be raised to the purple, to be raised to the bench*); когда внутренняя форма ФЕ отражает образ, являющийся частью конкретного сценария или описывающий признак какого-либо явления, как в случае с репрезентацией эмоций через связанные с ними телесно-экспрессивные движения.

Исследование также позволяет заключить, что положительные коннотации, закрепленные за концептом восходящего движения со временем архаики, сохраняются в основе многих из рассмотренных единиц. Тем не менее в некоторых ФЕ образы восходящего движения наделяются отрицательными свойствами (*climb / get on one's high horse, kick someone upstairs*), что определяется оценочной характеристикой ситуаций, отраженных на уровне их внутренней формы, а также компонентами ФЕ, которые имеют ярко выраженную негативную коннотацию (*raise hell*).

Дальнейшие перспективы исследования заключаются в изучении ФЕ, прототипы

которых вербализуют нисходящее движение. Планируется исследовать сферы жизнедеятельности человека, описываемые данными языковыми единицами, механизмы формирования их значения, а также роль концепта нисходящего движения в образной репрезентации окружающей действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. № 6. С. 47-58.

2. Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Москва: Новое издательство, 2004. 348 с.

3. Иоффе И. И. Избранное. Культура и стиль. Мщсква: ООО «РАО Говорящая Книга», 2010. 927 с.

4. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / пер с англ. Ф. С. Капицына, Т. Н. Колядича. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2010. 525 с.

5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва: Высшая школа; Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996. 381 с.

6. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с

7. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.

8. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 141 с.

9. Токарев С. А. Мифы народов мира: энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1980. 1147 с.

10. Goossens L. Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1. P. 323-342.

11. Dirven R. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. 621 p.

12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.

13. Kovecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Paris: Cambridge University Press, 2000. 223 p.

REFERENCES

1. Vorkachev, S. G. (2001). Kontsept schastya: ponyatiynyy i obraznyy komponenty [Concept of happiness: conceptual and figurative component]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. No 6. Pp. 47-58. (In Russ.).

2. Ginzburg, K. (2004). *Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya* [Myths-emblems-signs: Morphology and history]. Moskva: Novoe izdatelstvo. (In Russ.).

3. Ioffe, I. I. (2010). *Izbrannoe. Kultura i stil* [Selected Works. Culture and Style]. Moskva: OOO «RAO Govoryashchaya Kniga». (In Russ.).

4. Kirlo, Kh. (2010). *Slovar simvolov. 1000 statey o vazhneyshikh ponyatiyakh religii, literatury, arkhitektury, istorii* [Dictionary of Symbols. 1000 articles on the most important concepts of religion, literature, architecture, history]. Moskva: ZAO Tsentrpoligraf. (In Russ.).

5. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [The course of phraseology of modern English]. Moskva: Vysshaya shkola; Dubna: Izdatelskiy tsentr «Feniks». (In Russ.).

6. Lotman, Yu. M. (1992) *Izbrannye stati* [Selected articles]. Tallinn: Aleksandra. Vol. 1. (In Russ.).

7. Nikitin, M. V. (2007). *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [A course in linguistic semantics]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. (In Russ.).

8. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

9. Tokarev, S. A. (1980). *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).

10. Goossens, L. (1990). Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action. In *Cognitive Linguistics*. Vol. 1. Pp. 323-342.

11. Dirven, R. (2003). *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

12. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.

13. Kovecses, Z. (2000). *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Paris: Cambridge University Press.

Шидловская Диана Юрьевна *– кандидат филологических наук, преподаватель английского языка, преподаватель центра изучения иностранных языков (e-mail: shidlovska.diana@gmail.com), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО» 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский проспект, 49*

Shidlovskaya Diana Yu. *– Candidate of Philology, English language teacher, Lecturer of Foreign Language Training Center (e-mail: shidlovska.diana@gmail.com), Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education «National Research ITMO University» 49 Kronverksky Prospekt, St. Petersburg, 197101*

Поступила в редакцию 03 апреля 2024 г.